

Е.С. Богданов¹✉, О.И. Новикова^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)

В полевом сезоне 2024 г. завершены археологические раскопки на могильнике булан-кобинской культуры Курайка III–V вв. н.э. (Горный Алтай, Кош-Агачский р-н), ведущиеся с перерывами с 1994 г. Были исследованы 12 объектов в разных планиграфических группах, содержащие 10 погребений. Получены новые оригинальные данные по погребальной обрядности и материальной культуре кочевников Курайской котловины. Найдены накладки сложносоставного лука, орнаментированная костяная рукоять плети, остатки детской одежды. К настоящему времени на могильнике исследовано 66 погребений (21 мужское, 16 женских, остальные детские, включая младенцев до года). Встречаются различные типы надмогильных (каменные наброски, ярусные крепиды подпрямоугольной формы) и внутримогильных (колоды, срубы; деревянные рамы, каменные ящики, лиственничные доски) конструкций. Выявлено, что тип внутримогильной конструкции не зависит напрямую от пола и возраста погребенного. Так, в колодах хоронили и мужчин, и женщин, и детей. В целом детские погребальные конструкции имитируют взрослые. Положение всех погребенных вытянуто на спине, с северной (СЗ/З/СВ) ориентацией головой на восход и заход солнца, что косвенно указывает на время совершения похорон в период конец осени – начало зимы и начало весны. Удалось зафиксировать существенный временной перерыв между окончанием похорон и заключительным этапом возведения наземной конструкции. Был проведен анализ взаимовстречаемости различных внутримогильных конструкций, следов ритуальных и других действий и категорий сопроводительного инвентаря. Установлено, что основные категории сопроводительного инвентаря стандартны для всех типов погребальных сооружений и имеют преимущественно гендерную специфику. Выдвинута гипотеза о том, что на данном некрополе сопроводительный инвентарь не является показателем социальной, возрастной и профессиональной дифференциации общества.

Ключевые слова: Курайка, булан-кобинская культура, погребальный обряд, половозрастная и социальная стратификация, сопроводительный инвентарь.

E.S. Bogdanov¹✉, O.I. Novikova^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Burial inventory as Marker of Gender-Age and Social Stratification in Population of the Kurai Basin (Based on Excavations at the Kuraika Cemetery, Altai Mountains)

Archaeological excavations at the Kuraika burial ground of the Bulan-Kobin culture, III–V centuries A.D. (Altai Mountains, Kosh-Agach District), which had been conducted intermittently since 1994, were completed in 2024. Excavations were carried out at twelve objects including ten tombs in different spatial groups. New original data on the burial rites and material culture of the Kurai Basin nomads were collected. The uncovered artifacts include the overlays of a compound bow, a whip ornamented bone

handle, and remains of children's clothing. To date, 66 burials (21 male, 16 female, the rest are burials of children including infants under one year old) have been excavated at the cemetery. Various types of surface constructions (stone-earthen and stone mounds, tiered subrectangular crepidas) and intra-burial structures (coffins, log cabins; wooden frames, stone boxes, larch boards) were found. It has been revealed that the type of intraburial construction depends neither on the sex, or age of the buried person. Thus, men, women and children were buried in coffins. In general, children funerary structures imitate adult ones. The dead were placed in tombs in the supine, stretched position, with the north (NW/WNE) orientation of the head towards sunrise and sunset, which indirectly indicated the time of the funeral either in the late autumn-early winter, or early spring. A significant time break between the end of the funeral and the final stage of the construction of the ground structure was recognized. The mutual occurrence of various intra-burial constructions, traces of ritual and other actions, and categories of grave goods was analyzed. It was found that the main categories of grave inventory were standard for all types of funerary structures and showed predominantly gender specificity. It was hypothesized that on this necropolis the burial inventory did not indicate either social, age or professional differentiation of society.

Keywords: Kuraika, Bulan-Koba culture, burial rite, gender-age and social stratification, burial inventory.

Введение

По подсчетам Н.Н. Серегина и С.С. Матренина, на 2016 г. было исследовано 735 захоронений «хунуско-сяньбийско-жужанского времени» на 46 могильниках на территории Горного Алтая [Серегин, Матренин, 2016, с. 10]. И это количество постоянно увеличивается. Несмотря на различную степень исследованности комплексов, масштабов и качества их публикации, особенностей методики раскопок, громадный объем данных позволяет исследователям выявлять общее и особенное в контексте интерпретации и построения неких обобщенных моделей этнокультурного и социального развития населения рассматриваемой территории в позднеантичное и раннесредневековое время. Причем главным маркером «половозрастной, социально-имущественной и профессиональной стратификации населения Алтая», по мнению некоторых исследователей, выступает именно сопроводительный инвентарь [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–177; Серегин, Матренин, 2016, с. 21; Серегин и др., 2022, с. 135]. В данном случае речь идет о памятниках булан-кобинской культурной общности, среди которых немаловажное место занимает могильник Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Количество разнообразных исследованных объектов на памятнике на сегодняшний день позволяет довольно корректно интерпретировать полученные материалы. В настоящей статье мы попытаемся разобраться, действительно ли сопроводительный инвентарь в конкретном погребальном комплексе является показателем социальной, половозрастной и профессиональной дифференциации в одном из кочевых сообществ Курайской степи.

Особенности погребального обряда и предметные комплексы из захоронений Курайки

Нам уже приходилось писать об особенностях могильника Курайка в контексте отличий от других булан-кобинских памятников. Сформулируем еще раз основные положения.

1. В двух группах могильника Курайка мы фиксируем сочетание различных «планиграфических моде-

лей» (цепочками вдоль долины и русла реки, по линии СВ–ЮЗ и цепочками перпендикулярно руслу реки, по линии 3–В) [Богданов, Новикова, 2018, рис. 1, 2].

2. На основании исследованных на Курайке могил (52 в группе А и 14 в группе Б), мы получаем следующую картину (см. таблицу). Одна каменно-земляная насыпь (два погребения), одна каменная насыпь (три погребения). Остальные объекты представлены одиночной ярусной крепидой подпрямоугольной формы и одной могилой внутри нее. 29 погребений совершены в колоде (из них 9 детских); 4 – в срубке; 15 – в деревянной раме (из них 3 детских); 5 – в каменных ящиках (3 детских и 1 кенотаф); 4 детских погребения на листовничных досках; 3 – младенцы без деревянных или каменных конструкций внутри отдельной могильной ямы; 3 – младенец и взрослый человек; 2 – два ребенка в одной могильной яме. Планиграфически погребения с разными над- и внутримогильными сооружениями на памятнике не выделяются.

3. Положение всех погребенных вытянуто на спине, с северной (СЗ/З/СВ) ориентацией головой на восход и заход солнца свидетельствует о мировоззренческих представлениях данной группы населения о загробной жизни. Кроме того, данный факт косвенно указывает на время совершения похорон в период конец осени – начало зимы и начало весны.

4. Фиксируются различные виды обрядовых действий при захоронении умерших. В 90 % случаев это обкладка внутримогильных конструкций в ямах валунами по периметру; в 70 % – наличие в головах деревянного блюда с хвостовыми позвонками барана (керамический сосуд с позвонками зафиксирован всего в трех погребениях). В четырех погребениях присутствуют угли в засыпке. Этот факт может быть интерпретирован по-разному: как следы ритуальных действий или использование костра для отогревания почвы при копке могилы. У четырех умерших зафиксирован обряд закрывания лица шелковым покрывалом*; у 12 – остатки раскраски

* Тут нужно иметь в виду, что степень сохранности органики в погребениях была очень разная и зависела от состава грунтов. Поэтому возможно данный ритуал проводился во всех случаях при захоронении.

Могильник Курайка. Взаимовстречаемость различных внутримогильных конструкций, следов ритуальных действий и категорий сопроводительного инвентаря

№ объекта	Внутримогильная конструкция	Инвентарь	Угли, следы огня в ритуале	Кости животных	Раскраска на черепе	Погребенные индивиды
1	2	3	4	5	6	7
	 колода	В вооружение	 в насыпи	 в насыпи	 наличие	 мужчина
	 колода с перекрытием	У бусы (бусины, подвески)	 в могиле	 в могиле	Х отсутствие	 женщина
	 рама	Б имитация гривны (бусина)	Х отсутствие	Х отсутствие		 ребенок, подросток
	 сруб	УГ украшения головного убора				 ребенок до года
	 каменный ящик	П детали пояса				Н не определимо
	 имитация деревянной конструкции	пос деревянная посуда				Х отсутствие
	Н не определимо	К керамическая посуда				
	Х отсутствие	БЫТ предметы быта и культуры				
		Х отсутствие				

Погребение в группе А

1		пос	Х		Х	
1А		Б пос	Х		Х	
3		Х	Х	Х	Х	
3А		Б	Х			
3Б		Х	Х	Х	Х	
4		Х	Х	Х	Х	
5		Х	Х	Х	Х	
6		Б У	Х	Х	Х	
7		Х	Х	Х	Х	
8		Б У УГ	Х	Х		
9		Х	Х	Х	Х	
10		Х	Х	Х		
11		Х	Х		Х	
17		У	Х	Х	Х	
17А		Х	Х	Х	Х	
21		Б	Х		Х	
22	Х	Х	Х	Х	Х	
23		У пос БЫТ	Х			
23А		Х	Х	Х	Х	
24		У УГ БЫТ	Х	Х		
25		Б	Х	Х		
26		Х	 	Х	Х	
28		Х	Х	Х	Х	
29	Н	Х	Х	Х	Х	
31		Х	Х		Х	
34		Х	Х	Х	Х	Н

1	2	3	4	5	6	7
39		У	Х	Х	О	●
40		Х	Х	Х	О	●
40А		Х	Х	Х	Х	◎
41		пос	Х		Х	●
41А		Х	Х	Х	Х	◎
44		У П	Х	Х	Х	Н
48		П Б пос К БЫТ	Х		Х	●
49		У пос	Х		Х	Н
55		П	Х	Х	Х	● ◎
63А		П	Х	Х	Х	Х
66		Б	Х	Х	Х	● ◎
66А		Х	Х	Х	Х	◎
67		Б	Х	Х	Х	●
67А	Х	Х	Х	Х	Х	◎
70		У	Х	Х	Х	●
74		Б пос	Х		Х	●
81А		П пос	Х		Х	●
81Б		У пос УГ	Х		Х	●
87		П пос	Х		Х	●
87А		Х	Х	Х	Х	◎
98		Х	Х	Х	Х	●
99		В	Х	Х	Х	●
100		Б П пос	Х		Х	●
101		Х	Х	Х	Х	●
102	Н	Х	Х	Х	Х	●
103		УГ	Х	Х	Х	Н

Погребения в группе Б

2А		В	Х		Х	●
2Б		В Б П пос			О	●
2В		У	Х	Х	Х	●
3		Х	Х	Х	Х	Х
4		УГ У	Х		О	●
4А		У П	Х		О	●
5		Б	Х		О	●
6		пос	Х	Х	Х	● ◎
7		Х	Х	Х	Х	●
8		Б	Х	Х	Х	●
8А		Б К	Х	Х	Х	●
9	Х	У	Х	Х	Х	● ◎
18А		Б К БЫТ			Х	●
19		П В пос БЫТ			Х	●

лобной и носовой части головы охрой (фиксируется и у мужчин, и у женщин, и у детей) [Богданов, 2018]. В 40 % случаев нам удалось зафиксировать существенный временной перерыв между окончанием похорон и заключительным этапом возведения наземной конструкции.

Таким образом, из всего вышеперечисленного ясно, что ни размеры, ни устройство над- и внутримогильных конструкций, ни специфические обрядовые действия не указывают на наличие в данном обществе имущественной, «профессиональной», или половозрастной дифференциации. Например, в колодах хоронили и мужчин, и женщин, и детей (в т.ч. младенцев).

Теперь рассмотрим предметные комплексы из куррайских захоронений. Погребальный инвентарь достаточно стандартен для всех типов сооружений и имеет только гендерную специфику (см. таблицу).

Захоронения детей до 10 лет. В 70 % случаев умершего ребенка укладывали без какого-либо инвентаря, но в отдельной могиле. Даже для детей до года делали отдельное погребальное сооружение, хоть и без инвентаря. Только у одного младенца были найдены остатки мешочка с кусочком пирита на груди. У 4 детей из 17 присутствовала лишь крупная бусина из раковины моллюска, которая была частью и имитацией гривны на шее [Соёнов, Эбель, 1994, рис. 10, 3]. Данная обрядовая вещь была характерна и для большинства взрослых. Всего в 4 детских могилах установлено (сохранилось) примитивное деревянное овальной формы блюдце с курдюком барашка (в одном захоронении сохранилась деревянная имитация ножа на блюде). У трех детей найдены украшения на шее в виде двух-трех сердоликовых/пастовых бусин, у одного – в виде двух клыков животного. Только у одного мальчика (9 лет) был найден железный кинжал, при полном отсутствии другого инвентаря. В единственном и самом «богатом» детском захоронении вместе с девочкой 7 лет ± 2 года, одетой в шелковую одежду, в колоде были обнаружены: лепной горшок, деревянное блюдце-столтик из лиственницы на 4 ножках, бронзовая серьга, имитация гривны (прутик с нанизанной крупной бусиной из моллюска), остатки кожаного пояса со скифоидной бронзовой пряжкой, каменный брусок для растирания охры с остатками шелкового чехла [Соёнов, Эбель, 1998, рис. 9, 10]. Причем шелк был орнаментированный, скорее всего, китайского производства. Забегая вперед, необходимо отметить, что эти найденные предметы, за исключением бусины, были единственными в своем роде и не имели аналогий в других погребениях Курайки.

Захоронения подростков 10–18 лет. Обнаружено всего четыре. Ситуация с инвентарем аналогичная, как и с детьми до года. Присутствует имитация гривны в виде крупной бусины. У одной девочки на шее найдены две сердоликовые бусины, но при этом моги-

ла – простая яма без внутримогильной конструкции. В одном случае кроме имитации гривны с бусиной был найден еще керамический горшок.

Мужские захоронения. Всего исследовано 21 погребение, 9 из них – без инвентаря. Внешние параметры и формы над- и внутримогильных конструкций для этих погребенных сопоставимы с остальными на памятнике. У 5 мужчин на шее была имитация гривны с крупной бусиной из раковины моллюска, у 8 сохранились овальные деревянные блюда для заупокойной пищи (в одном случае дополнительно была помещена деревянная кружка с ручкой). Всего в трех погребениях найдены остатки (костяные накладки) сложносоставного лука гуннского типа [Там же, рис. 15]. В двух случаях лук сопровождали три железных трехлопастных наконечника стрелы. У трех мужчин были наборные пояса, а у трех только железные пряжки. Самое «богатое» по инвентарю мужское захоронение содержало сложносоставной лук со стрелами, роговые орнаментированные детали плети, наборный (железные пряжка, кольца, пластины) пояс с кинжалом и сердоликовую бусину на шее. Стоит повториться, что данное захоронение по конструктивным элементам и похоронному обряду ничем не выделялось среди прочих. Оно также не имело внешних отличий, и это единственное в своем роде погребение мужчины с миниатюрным керамическим горшочком, шлифованным оселком, железным ножом и с костяным наконечником со сработанным острием.

Женские захоронения. Исследовано 16 погребений, из них всего два безынвентарных. Украшения являлись почти обязательными и самыми распространенными находками: от одной единственной бусины на шее (в 6 случаях) до нескольких (костяных и сердоликовых/пастовых). Единичны подвески из клыков и египетского фаянса. Самые разнообразные украшения были у женщин 20–25 лет. У пяти девушек были снятые и уложенные рядом пояски с нашитыми мелкими шайбовидной и цилиндрической формы бусинами из птичьих костей, с раковинами каури. Скопления подобных украшений в 3 случаях зафиксированы под черепом [Там же, рис. 3, 2, 3], что дает возможность предположить их связь с головным убором. Хотя с таким же успехом могли под голову положить и сумочку или тот же пояс. Особые профессиональные занятия у молодых девушек можно предположить только в двух случаях: когда найден порфириновый миниатюрный столтик для растирания охры [Богданов, 2018, рис. 3, 6] и двухсоставной роговой заступ-пешня [Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008, рис. 14, 1]. Предметный комплекс в обоих случаях был дополнен разнообразными украшениями, в т.ч. раковинами каури. Из «странностей» можно отметить только отсутствие деревянной крышки и перекрытия у колоды и очень большую ее длину у девушки со столтиком. В самом «богатом» по инвентарю захоронении

женщины старше 50 лет обнаружены позолоченные бляшки, украшавшие головной убор, и ожерелье из пастовых бусин, в т.ч. средиземноморского происхождения.

Заключение

На основе наших исследований можно подвести некоторые итоги. В первую очередь стоит отметить особое отношение курайской общины к умершим детям. Даже для младенцев тщательно устраивались отдельные погребальные сооружения, имитирующие конструкции для умерших взрослых. Предметный инвентарь по составу не выделяется из общей массы. Единственное «насыщенное» предметами захоронение девочки, возможно, связано с другим регионом Алтая, откуда она могла попасть в курайскую степь. Каким-либо образом выявить по инвентарю и погребальным сооружениям четкую социальную иерархию в курайском сообществе древних кочевников затруднительно. Самый большой объект в группе А на могильнике, где под одной насыпью были сооружены две большие крепиды, содержал довольно стандартные внутримогильные конструкции (колоды с перекрытиями). И если предметный комплекс у женщины отличался наличием импортных бусин и позолоченных бляшек на головном уборе, то в основном захоронении мужчины 45–50 лет вообще не было находок: ни предметов вооружения, ни украшений*. В самом необычном и единственном в своем роде объекте в группе Б, у которого под одной насыпью было три пристроенные друг к другу крепиды, зафиксировано и погребение в каменном ящике (женщина), и погребения в деревянных рамах (мужчина и подросток). Инвентарь во всех трех случаях не отличался богатством и разнообразием. Подвески из египетского фаянса (апотропеи) имели следы очень длительного ношения и тоже не позволяют считать захоронение из группы А, в котором они были найдены, особо значимым для членов кочевого сообщества.

Очень интересным представляется факт мирного существования населения, оставившего могильник Курайка. Исходя из данных дендрохронологии и радиоуглеродного анализа [Panyushkina et al., 2007] памятник функционировал не менее 300 лет, т.е. несколько поколений. При этом ни в группе А, ни в группе Б не обнаружены прецеденты посмертного травматизма от боевых столкновений. Малый процент помещения предметов вооружения с захороненными мужчинами отражает низкий уровень милитаризации кочевников курайской котловины. И это на фоне зафиксированных по данным антропологии высоких показателей межгрупповых воинских конфликтов у булан-кобинцев Центрального и Северного Алтая [Тур, Матренин, Соёнов, 2018]. Однако данные с могильника Курайка не позволяют согласиться

* Сохранность органики в могиле была очень хорошая.

с выводами современных исследователей о том, что все «носители булан-кобинской культуры были вовлечены в конфликты с пришлым культурно/этнически чужеродным населением», вследствие «включения территорий в состав владений центрально-азиатских империй сяньби и жуэней» [Там же, с. 138; Серегин и др., 2022, с. 133]. В курайской котловине мы не фиксируем никакого усиления военной активности в III–V вв.

Анализ статистических данных по мужским и женским захоронениям в могильнике Курайка не позволяет однозначно считать погребальный инвентарь маркером социально-имущественной дифференциации. Состав населения, проживающего на данной территории, по-видимому, был неоднородным. Это были и потомки населения скифского времени, оставшиеся в Горном Алтае после уничтожения или ухода пазырыкского этноса-элиты, и пришлые группы/индивиды. Четко идентифицировать этнический состав курайского социума можно только после специализированных антропологических и генетических исследований. Большая вариабельность погребального обряда на могильнике Курайка позволяет составить представление о своеобразном хозяйственно-культурном укладе кочевников III–V вв., не имеющем четко выраженной профессиональной стратификации.

Благодарности

Полевые исследования в 2024 г. проводились при поддержке Фонда «История Отечества» (Договор № 70-2024-000700 от 28.05.2024 г.) в рамках проекта «Молодежная полевая школа “Археологическое наследие Алтая-2024”». Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Богданов Е.С. Архаические черты и инновации в культуре кочевников Горного Алтая в гунно-сарматское время (по материалам исследования могильника Курайка) // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. К 70-летию академика В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 222–229.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 229–233.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. тех. ун-та, 2005. – С. 152–182.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 276 с. – (Археологические памятники Алтая; вып. 5).

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1994. – № 3. – С. 113–135.

Тур С.С., Матренин С.С., Соёнов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 132–139.

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. – 2007. – Vol. 49, N 2. – P. 693–702.

References

Bogdanov E.S. Archaic features and innovations in the culture of the nomads of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian epoch (based on the materials of the Kurayka burial ground) In *Multidisciplinary Aspects of the Study of Ancient and Medieval History: A collection of papers published in honor of Academician V.I. Molodin*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 222–229. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground. In *Problems of Archaeology,*

Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 229–233. (In Russ.).

Matrenin S.S., Tishkin A.A. Bulan-kobinskaya kul'tura Gornogo Altaya. In *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkutsk State Technical Univ. Press, 2005. P. 152–182. (In Russ.).

Panyushkina I., Sljusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800. *Radiocarbon*, 2007. Vol. 49. No. 2. P. 693–702.

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., Umanskiy A.P. Severnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban I). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 276 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya. Iss. 5). (In Russ.).

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. BC. – XI v. AC. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016. 272 p. (In Russ.).

Sljusarenko I.Y., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoi epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri*. Gorno-Altaysk: AKIN, 2008. Vol. 7. P. 42–57. (In Russ.).

Soyonov V.I., Ebel A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 1994. No. 3. P. 113–135. (In Russ.).

Tur S.S., Matrenin S.S., Soyonov V.I. Armed Violence Among the Altai Mountains Pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46. No. 4. P. 132–139.

Богданов Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>

Новикова О.И. <https://orcid.org/0000-0002-8779-2084>

Дата сдачи рукописи: 10.09.2024 г.